

Детерминологизация

Детерминологизация как процесс всегда была связана с теми периодами в жизни русского языка, когда он особенно активно впитывал в себя иноязычное слово. Так было в Петровскую эпоху, так было в середине XIX в.

Научная терминология, выходя за рамки специального употребления, становилась достоянием общеупотребительной лексики. В результате процесса детерминологизации - одной из характерных закономерностей развития русского литературного языка середины и второй половины XIX в. - значительно раздвинулись границы словарного состава общелитературного языка. Методы детерминологизации лексики, осуществляемые в языковой практике Герцена, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского и других писателей и публицистов того времени, оказались жизненными и продуктивными на многие десятилетия вперед.

Широкое распространение получили, например, иноязычные термины *идеализм, материализм, эклектизм, диалектический, абстракция, конкрет*. Но сфера их употребления значительно расширяется и выходит за пределы философских сочинений, таким образом, термины осваиваются общелитературным языком.

Показательны в этом отношении фразеологические контексты этих слов: *диалектическая жаровня; бледный, хладнокровный материализм; атрибут зверства, разврата* и т.д.:

Формирование публицистического стиля, развитие общественной мысли способствовали распространению - общественно-политических терминов и терминов политической экономии. Специальное значение в таких случаях терялось.

Методы введения специальной терминологии в тексты художественной прозы, а также статей и заметок довольно разнообразны. Это либо прямое сравнение (*явление вроде пульса*), либо употребление слова в переносном значении (*организм Европы, наука - организм, история - организм*).

Введение термина в несвойственное ему словесное окружение подчас создает политически острые характеристики обычно отрицательного плана.

Термин может употребляться в расширенном значении, например: *морфология* - строение вообще, а не только строение организмов: *Чтоб понять современное состояние мысли, вернейший путь - вспомнить, как человечество дошло до него, вспомнить всю морфологию мышления* (Письма об изучении природы. Т. III. С. 130).

Обильно представленная медицинская терминология используется по тому же принципу - отвлечение от узкотерминологического значения, переносное употребление. Термины *патология, патологический* употребляются, например, только в переносном смысле, для обозначения общественно-политических понятий или интеллектуальной жизни человека. Патология - отклонение от нормы, уродливая ненормальность вообще, а не наука о болезненных процессах в организме.

Во всех случаях связь с терминологическим значением слова не утрачена. Слово лишь применяется к иным фактам действительности. Но некоторые математические термины

приобретают переносное значение, например *аксиома, теорема, формула, сумма, алгебра*.

Многие термины химии, усвоенные общелитературным языком, получили более расширенное значение. Частое применение их к фактам нравственной и общественной жизни привело к затемнению специального, терминологического значения (такое значение сохраняется лишь в специальной научной литературе). Такие слова, как *элемент, реакция, брожение, анализ, синтез* укрепились в общелитературном языке с расширенным, более отвлеченным и потому более емким значением. Такое значение они имеют и в современном русском языке.

Судебно-юридическая терминология - *амнистия, трибунал, кодекс* - обычно переносится в область духовной, нравственной жизни человека. Очевидно, что специальное значение заслоняется образным, в результате чего создаются меткие, запоминающиеся фразеологизмы, например: *Нравственный кодекс* (По разным поводам. Т. II. С. 76); *Все покроется всеобщей амнистией вечного забвения* (Былое и думы. С. 540).

Многие термины стали достоянием общеупотребительного словаря за счет расширения круга их значений, чему способствовало перенесение сферы их употребления из специальных текстов в публицистику и художественную литературу.

Так закреплялось за словом новое значение, иногда оно заслоняло первоначальное и становилось ведущим, основным. В целом семантическая структура слова значительно усложнялась, поскольку на специальное значение наслаивалось общеупотребительное, часто с целой гаммой оттенков (например, слово *реакция*, кроме терминологического, получило значение общеполитическое и общественно-политическое).

О глубоком проникновении научно-терминологической лексики в общелитературный язык свидетельствуют факты употребления ее с качественными определениями - *глухое брожение; бледный, хладнокровный материализм* и др.

Приемы употребления терминологической лексики в XIX в. отражают общие тенденции в языке. Сочетание слов-терминов с лексикой иного семантического плана или лексикой специфической стилистической окраски позволяло создавать яркие, запоминающиеся фразеологизмы (*алгебра идей, амнистия вечного забвения, логика чувств и страстей, нравственный кодекс*), уничтожающие характеристики (*недоношенный фельетонист, патологическое благоразумие, белая горячка самовластия, подагра нравственного мира*), политически острые формулы (*дипломатическая гигиена, припадок цензурной болезни, диктатура управы благочиния, богадельня реакции*). Такое расширение возможности сочетаемости слов привело к обогащению словарного и фразеологического состава литературного языка в целом.

И то, что в конце XX столетия вновь возникла острая необходимость обратиться к терминологической лексике и с ее помощью дать оценочные характеристики социальным, политическим и морально-нравственным понятиям сегодняшнего дня, свидетельствует о жизненности и закономерности намеченных в прошлом процессов, их объективной целесообразности.

«Терминологические» контексты современной метафоры широки по своему содержанию и применению. Прежде всего, широк объем специальной лексики, представляющей разные отрасли знания: термины медицинские, военные, спортивные, географические, экономические, философские, термины разных видов искусства и др. Широк и тематический диапазон созданных на базе терминов метафор: это отражение и государственного устройства, и морально-этического и нравственного состояния общества, и политико-идеологического сознания общества, и образовательного уровня индивидов общества и т.п.

Вот некоторые примеры из современных газетных публикаций: *склероз совести, энтропия мысли, коррозия души, искусственная инъекция оптимизма, политическая глаукома, инфляция слов, вирус недоверия, идейный вакуум, остеохондроз мышления, экономический коллапс, девальвация умственного труда, социальный гумус, агония гуманизма, патология прогнозов, экономический маразм, энергетика мыслей, раковая опухоль преступности, вектор политики, общество местной парадигмы, климакс системы, невроз кредитов, бактерии национализма, аллергия на контакты с прессой, внутривнутриполитическая агония, лексика балета, анатомия любви, алгебра любви, геометрия досуга, протез дружбы.*

Как видим, термины, приведенные здесь, в принципе не новые, они известны своей принадлежностью к специальным научным системам. Сегодняшняя речепрактика лишь расширила сферу их применения. Судя по содержанию данных словосочетаний, большая часть из них имеет оценочный характер, причем их оценочность отрицательная (склероз совести, агония гуманизма), но встречаются и нейтральные метафоры, не несущие оценочного значения (типа алгебра любви, лексика балета). В любом случае они не заключают в себе индивидуального, художественно-образного, образного смысла, хотя в достаточной степени экспрессивны. Результат вхождения терминов в общелитературное языковое окружение - смещение смысла в сторону его расширения за счет переносного употребления.